

НАСЛЕДИЕ

УДК 091

ИЗВЕСТИЯ «ДЖАВАМИ‘ АЛ-ХИКАЙАТ» АЛ-‘АУФИ О САМАНИДАХ, КАРАХАНИДАХ, СЕЛЬДЖУКИДАХ И ХОРЕЗМШАХАХ (3)*

Т.К. Бейсембиев

(Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова,
Алматы, Казахстан)

Статья продолжает серию публикаций автора по «Джавами‘ ал-хикайат ва лавами‘ ар-ривайат» Садид ад-Дина Мухаммада ал-Ауфи (II четверть XIII века) – крупнейшего прозаического историко-литературного свода в классической персидской литературе домонгольского и монгольского периодов. Этот малоизученный свод содержит более 2100 рассказов на самую разнообразную тематику. До сих пор полное научное издание этого ценнейшего исторического источника отсутствует.

На основе всех имеющихся изданий и рукописного списка начала XIV века *Supplément Persan 95* (Национальная библиотека Франции) публикуется русский комментированный перевод 52 новых рассказов (*хикайат*) ‘Ауфи о Газневидах, Саманидах, Караханидах, Сельджукидах и Хорезмшахах и дается их оценка. Заглавия рассказов, отсутствующие в оригинале, даны автором статьи. Перед каждым заглавием в круглых скобках приводится их нумерация, принятая в фундаментальном исследовании об ‘Ауфи Мухаммада Низамуд-Дина. В конце каждого рассказа в круглых скобках даны ссылки на первоисточник, откуда осуществлен его перевод. Под названием «Репертуар известий свода Ауфи о Саманидах, Караханидах, Сельджукидах и Хорезмшахах» дана сводная таблица всех известий Ауфи о Саманидах, Караханидах, Сельджукидах и Хорезмшахах (78 известий, из которых 27 опубликовано ранее и на них библиографические ссылки).

Анализ трудов крупнейших ученых-специалистов по этим династиям (В.В. Бартольд, В.А. Гордлевский, К.Э. Босворт, С.Г. Агаджанов, З.М. Бунятов, Н.Н. Негматов и Б.Д. Кочнев) показывает, что, к сожалению, **ни один из них** не обратил внимания на ценные известия свода Ауфи.

Автор статьи надеется, что его публикация послужит более глубокому пониманию и освещению истории Средней Азии и других регионов в домонгольский период.

Ключевые слова: ‘Ауфи, Газневиды, Саманиды, Караханиды, Сельджукиды, Хорезмшахи, X–XIII вв., классическая персидская литература, персоязычные исторические источники, домонгольский период, тюрки, Средняя Азия, Византия.

* Конец статьи. Начало см. Золотоордынское обозрение. 2015. № 1. С. 178–206; 2015. №2. С. 197–230.

(1447). ИСМА‘ИЛ САМАНИ И НАМЕСТНИК ГУРГАНА

Передают, что у эмира Исма‘ила Самани¹ был раб по имени Сафи шарабдар, который был главой (*михтар*) виночерпиев (*шарабдар*). Однажды он совершил измену (*хийанат*) и скрылся. Взяв с собой двух тюркских рабов, он переправился через Джейхун², бежал в Гурган и попросил убежища у правителя Гургана³ Мухаммад-Харуна⁴. Начальник гонцов (*сахиб-барид*) Гургана известил его величество [эмира Исма‘ила]: «В такой-то день три раба и два стремяных прибыли в Гурган и присоединились к Мухаммад-Харуну. Эмир Исма‘ил велел написать приказ Мухаммад-Харуну: «Тебе надлежит схватить тех рабов, которые бежали из нашего августейшего двора и примкнули к тебе, и отослать их к нам назад».

Когда приказ доставили к Мухаммад-Харуну, он сказал: «Как я могу выдать рабов, которые нашли у меня прибежище? Было бы неблагородно нарушить свою клятву» и написал следующий ответ: «Они нашли у меня убежище. Если я отправлю их назад, никто мне не будет верить».

Когда эмир Исма‘ил прочитал этот ответ, он приказал составить другое письмо, наполненное угрозами. Когда это послание дошло до Мухаммад-Харуна, он не счел необходимым отвечать на него. Начальник гонцов (*сахиб-барид*) [Гургана] известил его величество [эмира Исма‘ила] об этом.

Эмир Исма‘ил огорчился этому, но никому не сказал об этом деле. Через три дня он снарядил войско и перешел через Джейхун. Когда об этом стало известно Мухаммад-Харуну, он перебрался из Гургана в Амул⁵. Эмир Исма‘ил вошел в Гурган, провел там несколько дней, а затем направился в Амул. Мухаммад-Харун бежал оттуда в Рей. Эмир Исма‘ил отправил в Рей войско с богатствами [Мухаммад-Харуна]⁶. В Амуде он построил дворец, который сохранился до сих пор. Его называют Дворцом Исма‘ила (*кушк-и исма‘или*).

Оказавшись в безнадежном положении, Мухаммад-Харун попросил пощады. Когда ему ее дали, он явился к эмиру Исма‘илу.

¹ Исма‘ил I (правил в 892–907).

² Аму-Дарья.

³ Также Горган – название города и прикаспийской провинции на северо-востоке Ирана (современная провинция Голестан). Это имя носил также первоначально Ургенч, древняя столица Хорезма.

⁴ Правильнее – Мухаммад ибн Харун. Он вначале служил у хорасанского наместника ‘Аббасидов Рафи‘ ибн Харсамы, а затем ушел от него в Бухару к Исма‘илу Самани [21, с. 78].

⁵ Город в миле к западу от Аму-Дарьи на пути из Мерва в Бухару. Ныне – Чарджоу.

⁶ Вероятно, эти богатства предназначались вместо жалования войску Исма‘ла Самани.

Благодаря одному этому походу в сердцах людей укрепился страх перед эмиром Исма'илом. После этого ни один человек не допускал промедления, исполняя его приказы. Он присоединил вилайет Рей к своим владениям и поставил там наместником своего брата Абу Исхака⁷, а Гурган передал другому эмиру. Мухаммад-Харуна он держал при себе. От его величества халифа пришла весть: «Поскольку Мухаммад-Харун совершил безумный поступок, его не следует оставлять живым».

Эмир Исма'ил принял предписание халифа, но не задерживал виновного до того дня, когда он [эмир Исма'ил] направился на пятничную молитву, а Мухаммад-Харун был при нем. А лошадь эмира и лошадь Мухаммад-Харуна любили друг друга. Так как стремяные были заняты намазом, лошади потянулись друг к другу, и лошадь эмира Исма'ила покрыла лошадь Мухаммад-Харуна и стала с ней совокупляться. Кто-то из присутствующих сказал: «Наконец-то лошадь эмира требует возмездия от лошади Мухаммад-Харуна, хотя эмир не может этого сделать». Когда до эмира донеслись эти слова, это освежило его гнев. На другой день он огласил приказ повелителя правоверных, показал его Мухаммад-Харуну и сказал: «Узнай же приказ повелителя правоверных. Я должен тебя заключить под стражу». Мухаммад-Харун ответил: «В чем же для эмира стыд арестовывать меня и таких, как я?» Эмир приказал заключить его в оковы и отправить в бухарскую крепость⁸. Такая неукоснительная воля и полное рвение и усердие в управлении страной стали назиданием для правителей-современников.

[6, л. 181a]

⁷ В хронике Ибн ал-Асира имя этого человека (он назван просто «Исхак») указано среди сыновей Ахмада ибн Асада ибн Самана [21, с. 66].

⁸ Ибн ал-Асир пишет в своей хронике под 290 годом (5.12.902–23.11.903) следующее: «В этом году был взят в плен Мухаммад ибн Харун. Причиной этого было то, что ал-Муктафи послал Исма'илу ибн Ахмаду ас-Самани грамоту о назначении его правителем Рея. Он отправился в Рей, а в нем был Мухаммад ибн Харун. Мухаммад ушел из Рея в Казвин и Зинджан, а затем вернулся в Табаристан. Исма'ил назначил правителем над Джурджаном Бариса ал-Кабира и обязал его силой или по доброму доставить ему Мухаммада ибн Харуна. Барис написал ему [о необходимости явиться к Исма'илу] и гарантировал его благополучие при Исма'иле. Мухаммад согласился с его словами и ушел [от приютившего его] Джустана ад-Дайлами, направившись в Бухару. Когда он достиг Мерва, его в нем заковали в оковы, а это было в ша'банах двести семьдесят девятого года. Затем его отправили в Бухару и ввели в нее на верблюде. Там его заключили в тюрьму, и через два месяца он умер в заключении» [21, с. 82].

**(1450). ЭМИР АХМАД БЕН НАСР
И НАМЕСТНИК САНДЖАНА⁹**

Передают, что в правление Ахмада [бен] Насра¹⁰ Самани наместник Санджана усилился. У него было много войска и снаряжения. Почувствовав прочность своего положения, он поднял знамя независимости [от власти эмира] и зажег огонь высокомерия. Всевышний бог соизволил сказать: «Вся творимая человеком несправедливость происходит оттого, что он богатеет».

Наместник вышел из повиновения своему благодетелю. Как ни пытался эмир Ахмад лаской увещать его, было бесполезно. Тогда он отправил против мятежника одного хаджиба с войском. Сразившись с ним, хаджиб был убит. Вслед хаджибу эмир отправил другое войско, оно тоже было разбито.

Однажды эмир стал совещаться со своим везирем Абу-л-Фазлом Бал'ами. Абу-л-Фазл сказал по этому поводу: «Дело о Санджане не имело [прежде] такого большого значения. Пусть эмир хорошенько подумает об этом, о том, что там есть престол, дворец с придворными, город и область и ее подданные, которые благоустроили тот город. То, что находится близко от эмира, то важнее. Этим нужно заниматься в первую очередь».

[Эмир молвил:] «Если я оставляю позорно нерешенным дело с Санджаном, который находится по соседству со мной, как я могу мечтать о захвате Кермана, Газнина и [других] отдаленных областей. Я пошлю войско еще раз, чтобы покорить Санджан. Если, ей богу, оно снова вернется ни с чем, я выступлю собственной персоной, чтобы схватить мятежника, а если не получится, то умру!»

Везирь, увидев решительность падишаха, поклонился, рассудил и признался в своей ошибке. Он понял, что если решительность падишахов не подобна тому, как вонзается в цель меч, невеста государства останется без украшений, составляющих ее владения¹¹.

[6, л. 181а–б]

(1524) О ДВУХ РАБАХ ИСКАНДАРА

Мой дед рассказывал следующее: «В наше время в городе Самарканд был падишах – великий, справедливый, мудрый, твердый и рассудительный. Его визирь, совершенный по знаниям и умениям, был сливками своего времени. Падишах был им доволен.

⁹ Древний город в южной части пустыни Каракум недалеко от Мерва.

¹⁰ Правил в 907–914.

¹¹ То есть государство останется без владений и погибнет.

Однажды падишах приказал хаджибу¹²: «Иди и скажи визирю, чтобы он сидел и занялся делом такого-то чиновника». Хаджибу послышалось, что падишах сказал: «Иди и скажи визирю: «Сиди [под домашним арестом]»¹³. Последние слова падишаха он не услышал.

Придя к визирю, хаджиб передал ему приказ: «Падишах приказал, что тебе следует сидеть под арестом. Визирь был поражен. Убрав чернильницу, он отправился домой и стал сидеть под домашним арестом.

Через час падишах вызвал визиря.

Ответили: «Он сидит под домашним арестом».

Падишах спросил: «По какой причине?»

Ответили: «Хаджиб передал ему такой приказ».

Падишах сказал: «Я не давал такого приказа. Я сказал: «Скажи визирю, чтобы он сидел и подсчитал дела такого-то человека». Но раз хаджиб передал во дворце такое приказание, и тот сел под арест, если тотчас же мы вернем его на службу, соседние цари обвинят нас в слабости и будут называть непостоянным и нерешительным».

Затем падишах привел рассказ: «Вот что рассказывают в истории Искандара Руми (*Тарих-и Искандар-и Руми*). У Искандара было два раба. Одного звали Башир, а другого Назир. Каждого, кого Искандар отличал в своем покровительстве, он отсылал к Баширу. А каждого, кого он хотел казнить, он передавал Назиру.

Однажды Искандар заметил у одного молодого человека черты проницательности и проворства. Отмечая его достоинства и доблесть, он приказал передать его Баширу с повелением: «Пусть он его держит у себя, до тех пор, пока мы не вынесем о нем решение за своей подписью». Хаджиб ошибся и подумал, что его следует передать в руки Назира.

Через несколько дней Искандар спросил Башира: «Как поживает тот молодой человек? О чем он говорит?»

Башир ответил: «Да продлится царствие падишаха! Такого человека, о котором изволил спросить падишах, у меня нет».

Назир: «Этого молодого человека ты передал мне».

Искандар опустил голову и сказал: «Я заботился об этом молодце и хотел облачить его в одежды визиря. Я приказал передать его в руки Башира. Хаджиб ослышался. Поскольку я его передал для наказания, он расстроился, смутение воцарилось в его сердце. Теперь его душа никогда не будет добра к нам. Лучше его казнить. Если я изменю этому правилу, мне будут приписывать нерешительность. У падишахов нет порока хуже, чем отсутствие твердости».

Затем он приказал Назиру: «Казни его».

¹² Хаджиб – дворецкий.

¹³ В персидском языке XII–XIII века глагол «сидеть» (*нишастан*) имел дополнительное значение «сидеть под домашним арестом».

Хан Самарканда¹⁴ молвил: «Хотя у нас не было в сердце желания посадить под арест ходжу¹⁵, раз уж он сел под арест без нашей воли, пусть посидит один год, дабы наши слова не стали пустой болтовней, а наше справедливое мнение было ограждено от [обвинения в] нерешительности».

[10, с. 663–665]

(1534). ПРИЧИНА УПАДКА САМАНИДОВ

Рассказывают, что у эмира Мансура [бен] Нуха был визирь по имени 'Абдаллах Джахани. В умении вести дела он превзошел всех способных людей. Правитель и его способные помощники гордились его суждением и поведением. Когда же падишахский трон достался Нуху бен Мансуру¹⁶, тот захотел отставить 'Абдаллаха Джахани и

¹⁴ Так называли правителей Самарканда из династии Караханидов.

¹⁵ Подразумевается сидевший под домашним арестом визирь.

¹⁶ Нух II (ум. в 997) – саманидский правитель в 976–997. Взошел на трон молодым при поддержке своей матери и визиря Абу-л-Хасана Абдаллаха ибн Ахмада Утби. В это время Караханиды вторглись в саманидские владения и захватили верховья Зерафшана, где были серебряные рудники. В 980 они напали вновь и захватили Исфиджаб (на территории современного южного Казахстана). Визирь Нух Утби был, однако, всецело занят проблемой устранения Абу-л-Хасана Симджури, наместника Саманидов в Хорасане. В 982 ему удалось сместить Симджури и поставить на его место тюркского военачальника Таша. Симджури нашел убежище в Кухистане (к югу от Герата). Поход Саманидов против Буидов, предпринятый в этом же году, потерпел неудачу. Утби попытался перегруппировать саманидское войско, но был убит сторонниками Симджури и Фаика. Смерть Утби вызвала мятеж в столице Саманидов, Бухаре. Только при помощи Таша Нуху удалось подавить это выступление. Выполнив эту задачу, Таш стал готовиться к борьбе с силами Абу-л-Хасана Симджури, его сына Абу Али и Фаика. В конце концов он изменил свое решение и заключил мир с Симджуридами и Фаиком. Он убедил Нуха передать Фаику контроль над Балхом, Абу Али – контроль над Гератом. Абу-л-Хасан Симджури был восстановлен в Хорасане, наместником которого оставался Таш.

Мир был нарушен преемником Утби на посту главного визиря, Мухаммадом ибн Узайром (он соперничал с родом Утби и не любил Таша). По совету Мухаммада Нух сместил Таша и восстановил Абу-л-Хасана Симджура на посту наместника Хорасана. Таш бежал к Буидам, которые оказали ему поддержку. Приблизительно в конце 987 Симджуриды и Фаик нанесли ему поражение. Таш бежал в Гурган, где и умер в 988. Абу-л-Хасан Симджури умер примерно в это же время, и его преемником в Хорасане стал его сын Абу Али. Последний настолько усилился, что это вызвало опасения у Фаика. Между ними вспыхнула вражда. Ок. 990 Абу Али нанес поражение Фаику. Отступая, Фаик попытался захватить Бухару, но был опять разбит военачальником Нуха Бектузуном. Тогда Фаик отступил в Балх. Ему удалось сохранить там свои позиции.

Между тем Караханиды, подчинив несколько мелких тюркских владетелей, ставших фактически независимыми от Саманидов, развернули наступление на Бухару в конце 991. Их правитель Бугра-хан уничтожил посланное Нухом против него войско. Нух «простил» и отдал ему Самарканд в обмен на

поставить вместо него Бу-л-Хасана 'Утби¹⁷. Сказали: «Правило прежних государей таково, что по этому поводу они советовались с главнокомандующими (*исфахсаларан*), старейший и выдающийся из

обещание бороться с Караханидами. Фаик, однако, сдался Бугра-хану. Весной 992 Караханиды вступили в Бухару. Нух бежал и обратился за помощью к Абу Али, сидевшему в Нишапуре (столице Хорасана). Вначале Абу Али отказал. Но ситуация изменилась, когда Бугра-хан заболел в Бухаре и умер по дороге в Самарканд. Караханидский гарнизон, оставленный в Бухаре, был разгромлен Нухом летом того же года. Попытка Фаика самому взять Бухару окончилась неудачей. Тогда он бежал к Абу Али. Помирившись, они решили покончить с Саманидами. Тогда Нух запросил помощи у Газневида Сабуктегина. Тот согласился. Нуха поддержал также хорезмшах и еще несколько вассалов. В августе 994 Нух и его союзники одержали в Хорасане победу над своими противниками, которые бежали в Гурган. Нух пожаловал Сабуктегина и его сына Махмуда титулами и передал управление Хорасаном Махмуду.

В 995 Абу Али и Фаик вернулись со свежими силами в Хорасан и выгнали Махмуда из Нишапура, но вскоре были разгромлены Сабуктегином и Махмудом под Тусом и бежали на север. Фаик нашел убежище у Караханидов. Нух «простил» Абу Али и отослал его в Хорезм. Хорезмшах, владевший южным Хорезмом как саманидский вассал, бросил Абу Али в зиндан. Вскоре оба были схвачены вторгнувшимся саманидским наместником северного Хорезма. Абу Али был вновь отослан Нуху. Последний отправил его в 996 к Сабуктегину в Газну, где его и казнили.

Между тем, Фаик пытался убедить преемника Бугра-хана Наср-хана начать поход против Саманидов. Вместо этого Караханиды заключили мир с Нухом. Фаик был прощен и получил обратно Самарканд. Хотя, наконец, был установлен мир, годы борьбы нанесли тяжелый удар по Саманидам. Караханиды захватили саманидские владения на северо-востоке, а Газневиды закрепились в Хорасане и овладели землями к югу от Аму-Дарьи. Правитель Хорезма лишь номинально признавал саманидскую власть. В таких условиях Нуха постигла смерть в 997 [38, с. 156–158].

¹⁷ ал-'Утби – семья арабского происхождения, обосновавшаяся в Хорасане. Из нее происходил ряд визирей и секретарей при дворе Саманидов и ранних Газневидов (X – начало XI в.). Наиболее известны следующие ее представители:

1. Абу Джа'фар – визирь саманидского правителя Абд ал-Малика I бен Нуха I в 956–959 и позже, при Мансуре I бен Нухе I. Его политика была направлена на укрепление власти Саманидов и придворной бюрократии против амбициозных тюркских военачальников. По свидетельству Кирмани, он восстановил богатство в государственной казне до такого уровня, какого не было ни до, ни после него. Наршахи сообщает, что он построил прекрасную мечеть на площади Регистан в Бухаре.

2. Абу-л-Хусайн Абдаллах бен Ахмад был назначен визирем при Нухе II бен Мансуре I в 977. Он пытался также обуздать влияние в государстве таких тюркских военачальников, как Абу-л-Хасан Мухаммад бен Ибрахим Симджури, и получил некоторые военные и гражданские должности, но был убит сторонниками Фаика и Симджури ок. 982.

3. Абу Наср Мухаммад бен Абд ал-Джаббар (ок. 961–1036 или 1040) – секретарь и историк ранних Газневидов. Автор арабоязычной хроники «Китаб ал-Йамини», доведенной до 1020 года. [35, р. 945].

которых – Абу-л-Хасан Симджур. Следует попросить совета по этому вопросу у него, что он об этом думает».

Нух приказал написать об этом Абу-л-Хасана [Симджуру] и осведомиться о его мнении по поводу отставки¹⁸. Абу-л-Хасан [Симджур] написал в ответ: «Визирство – великая должность и важная обязанность. В ней заключены порядок в государстве и спокойствие войска и подданных. Назначенный на эту должность должен быть человеком немолодым и опытным. ‘Абдаллах Джахани – мудрый старец, имеющий права [преимущества] на службе этой династии. Хасана ‘Утби хотя и муж достойный и совершенный, но молод. Если оставить эту должность за ‘Абдаллахом, это было бы ближе всего к лучшему решению».

Когда это письмо достигло эмира Нуха, он стал упрямыться в своем решении, счел его удобным и передал визирство Бу-л-Хасану ‘Утби. Вступив в должность, тот, верша дела, поступал сообразно своему желанию. Поскольку он услышал, что сказал о нем Абу-л-Хасан Симджур, он денно и ночью стал попрекать и хулить Абу-л-Хасана перед эмиром Нухом и разжигал гнев эмира на Абу-л-Хасана, прибегая ко лжи, пока дело не дошло до того, что Абу-л-Хасана Симджура отставили от командования (*исфахсалари*); командование в Хорасане было передано Ташу¹⁹. А этот Таш был рабом Джа‘фара ‘Утби. Его отец Абу-л-Хасан-бай (?) дал [Таша] в услужение к Мансуру [бен] Нуху.

Затем Абу-л-Хасан ‘Утби написал письмо Абу-л-Хасану Симджуру, извещая его об отставке и допустив в тексте грубые выражения и недостойные обращения. Письмо он передал для отправки Ахмаду Фарсу. Когда Ахмад Фарс достиг пункта назначения, была среда, и Абу-л-Хасан сидел в присутствии, где рассматривались жалобы. Там находились судьи и достойные люди Хорасана. Прибыв в присутствие, Ахмад Фарс зачитал письмо публично. Абу-л-Хасан Симджуру был чрезвычайно унижен этим. Подняв голову, он сказал: «Нам нет нужды выносить глупость ‘Утби. Зачем повиноваться роду Самана, если я сам – эмир Хорасана? Главное, мы вполне готовы к отпору, у нас есть опытные воины и полна казна!». Он приказал задержать Ахмада Фарса и провозгласил мятеж.

Во время намаз-и дигар²⁰ того же дня он раскаялся в своем решении и спросил у начальника гонцов (*сахиб-и барид*): «За время, прошедшее от рассвета, ты написал его величеству письмо и уведомил его о случившемся?».

¹⁸ Абу-л-Хасан Симджур был тогда саманидским наместником Хорасана.

¹⁹ Смещение Абу-л-Хасана Симджура произошло в 982.

²⁰ *Намаз-и дигар* – букв. «другой намаз», или «второй намаз». Третья в течение дня обязательная для мусульманина молитва, совершаемая около двух часов дня.

Ответил: «Да, я написал, и гонец уже уехал».

Абу-л-Хасан Симджур сказал: «Напиши другое письмо и сообщи, что Абу-л-Хасан сказал: «Я – раб государства, возвращенный этой династией. Я достиг того, что имею [право по службе]. Нехорошо, если я буду сейчас бунтовать. Ты обязал проявлять ко мне уважение, а обо мне сказали такие пустые слова, и, хуже всего, еще и прилюдно. Я раскаиваюсь в своем поступке и кладу голову на путь повиновения».

Когда начальник гонцов изложил все это каламом, Абу-л-Хасан позвал Ахмада Фарса и сказал: «Эй, брат! Как я понимаю, тебя отправили посланцем. В посланнической миссии ты не больше Мусы, мир ему, а я не хуже фараона. Хотя всевеликий и всеславный Мироздатель и послал Мусу²¹ и Харуна²², мир ему, с пророческой миссией к фараону, он обратился к Мусе: «О Муса! Говори с фараоном кротко!»

Ахмад Фарс ответил: «Да простит меня эмир: я выполнял приказ. Ведь сказано: «Выполнявший приказ прощен»²³. Тогда Абу-л-Хасан наградил его платьем и отпустил назад.

От его величества из Бухары написали ответ: «Его извинение выслушано и приняты во внимание его заслуги по службе. Ему [Абу-л-Хасану Симджури] повелено удалиться в Кухистан и жить там». А это был его прежний вилайет. Так Абу-л-Хасан оставил Нишапур. Случай с ним стал первой трещиной в государстве Саманидов. Когда один благочестивый человек услышал об этом, он изрек: «В Хорасане произошло землетрясение, последствия которого никто никогда не сможет устранить».

Причиной всего этого было то, что эмир не послушался совета Абу-л-Хасана [Симджури]. У каждого, кто, посоветовавшись с рассудительными людьми, поступает вопреки их мнению, здание царствия и счастья разрушается.

[6, л. 196б]

(1538). НИЗАМ АЛ-МУЛК И ОТСТАВКА ДЖА'ФАРА ЗАВЗАНИ

Рассказывают, что во времена Султан Маликшаха, да сделает Аллах лучезарным его блеск, начальником ведомства по составлению посланий (*сахиб-диван-и рисалат*)²⁴ в течение многих лет был Абу Риза. Люди называли его «начальником дивана тугры» (*сахиб-диван-и*

²¹ Библейский Моисей.

²² Библейский Аарон, старший брат Моисея.

²³ Арабская поговорка.

²⁴ Государственная канцелярия в империи Сельджукидов. В Багдадском халифате так называлось ведомство внешних сношений

тугра)²⁵. Когда султан лишил своей милости Абу-л-Хасана, он приказал его ослепить, а его должность начальника дивана тугры – отобрать

²⁵ Вот что пишет об этом С.Г. Агаджанов: «Глава этого ведомства*, представлявшего собой государственную канцелярию, назывался туграй**». Должность туграй, которую обычно занимали высокопоставленные лица, существовала уже при султанах Тогрул-беке. В диван-и инша ва-л-тугра скреплялись печатью государственные указы, султанские послания и распоряжения. Туграй предварительно носил эти документы на личную подпись султану.

Должность туграй после везира была самой почетной и важной в Сельджукской империи. Глава диван-и тугра временно заменял везира*** в случае отсутствия последнего при верховном султана. В грамотах Санджара прямо отмечается, что туграй получал также «заместительство (на должность) главы диван-и визарат». Туграй вменялось в обязанность соблюдение порядка в диван-и инша, охрана тайн секретной и другой государственной информации. Он должен был строго проверять всю исходящую и поступающую дипломатическую корреспонденцию и документацию. Мунши, как нередко именовались туграй****, следил за правильным оформлением и выдачей официальных грамот и указов. В частности, он проверял и скреплял печатью дипломы о назначении на различные государственные должности.

Делопроизводство в сельджукских диванах в основном велось на фарси. В дипломатической переписке довольно часто употреблялся арабский, а иногда и сирийский язык. Все это требовало больших филологических познаний и владения тонкостями различных литературных стилей. Глава диван-и инша ва-л-тугра обязан был иметь и специальный каллиграфический почерк.

Обычно на должность туграй назначались видные эмиры, при которых имелись свои заместители. Туграй играли важную роль в делах государственного управления, начиная уже с царствования первых сельджукидских правителей. В частности, Хумар Тегин, занимавший эту должность при Тогрул-беке, осмеливался не раз оспаривать мнение везира Кундури. Камал ад-Дик Абу Риза, возглавлявший диван-и инша, всегда присутствовал на приемах и советах (маджлис) султана Малик-шаха. Султан без одобрения и согласия своего туграй не принимал никаких ответственных решений.

Основной контингент диван-и тугра состоял из дабиров, мунши или катибов; они выполняли функции секретарей, переписчиков, составителей писем и официальных бумаг. Дабирь были образованными людьми, знавшими этику, риторику, каллиграфию. Помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, при Газневидах они должны были осведомляться о должностных лицах вплоть до везира и хранить государственные тайны. Мастерское владение каламом и умение крепко держать язык за зубами считались лучшими качествами дабира.

Вековая традиция восточного делопроизводства обязывала хранить документы в государственной казне. С переписанных набело и скрепленных печатью оригиналов снимались копии для практических нужд и повседневных справок. Составление документов и посланий требовало большого искусства, умения владеть риторическими приемами и обладания хорошим литературным вкусом.

*Полное его название «диван-и инша ва-л-тугра», но иногда это учреждение именуется по-арабски «диван ар-расаил ва-л-инша».

** Семантика этого термина не выяснена в специальной историко-филологической литературе. Этимология данного слова, возможно, связана с «туграг», что означало по-огузски «царская печать». Тугра (или туграг) первых сельджукских правителей состояла из вариантов узора лука и стрел, которые

и передать «усиливающему мощь государства» (*му'аййид ал-мулк*)²⁶ Низам ал-Мулку, который своей деятельностью придал блеск этой должности. При Абу-л-Хасане его заместителем был человек по имени Джа'фар Завзани, прозванный Адиб Мухтар²⁷. Он был наделен красотой и достоинством, талантлив в разных искусствах, прекрасный поэт, писавший изящным почерком. Хотя много лет он был секретарем у султана, тот не признавал его таланты. Когда «Усиливающий мощь государства» стал начальником дивана тугры, он перестал давать поручения Свободному литератору, а своим заместителем сделал Устада Исмаила катиба Исфакхани, человека достойного, так что Адиб Завзани остался не у дел. Как ни старались за него заступники, Низам ал-Мулк был непреклонен. Бедность Адиба Завзани усилилась, а злорадство врагов ввергло его в отчаяние.

Был человек по имени Кази Музаффар Нашики, из числа ученых улемов, который был судьей в войске Султана Бахрамшаха. Он рассказывал следующее: «Однажды я сидел у султана. Вошел Адиб Мухтар, отвесил поклон, встал и стал делать знаки, что у него есть нужда.

Султан соизволил спросить: «У Адиба есть какое-то дело?»

Поклонившись, тот сказал: «Я многие годы служил в ведомстве по составлению посланий и был заместителем носителя печати (*най-иб-и тугракаи*). Составленные мной рескрипты (*амсила*) разосланы по всему свету. Друзья и враги видели их. За это время я не совершил ни одного проступка, чтобы заслужить отставку. А теперь этой должностью распоряжается Низам ал-Мулк. Он отстранил меня от нее и без всякого на то основания написал приказ о моей отставке. Если я стану служить кому-нибудь из вельмож и столпов государства, то злые языки будут говорить: «Если бы его величество соблюдал право этого человека за его долгу службу, он бы сделал насчет этого [соответствующее] распоряжение и приказал бы Низам ал-Мулку найти для него дело». Если Низам ал-Мулк печется о ком-то другом,

символизировали верховную прерогативу власти. В дальнейшем тугра превратилась в сложную монограмму, которая содержала официальную титулатуру сельджукских властителей. Абу-л-Фарадж утверждает, что в 1048 г. Тогрул-бек приказал вырезать на печати, ставшей известной под именем тугра, все свои официальные почетные звания. Тугра ставилась на рескриптах и указах Сельджукидов, причем каждый правитель имел свою печать.

*** В средневековых источниках, повествующих о государстве Сельджукидов, иногда упоминается «везир мухтасс» – доверенный везир. Можно предположить, что под этим загадочным названием скрывается туграи, временно замещавший везира.

**** В сельджукских документах XII в. он называется «мунши-йи мамалик».

[2, с. 76–78].

²⁶ Почетный титул Низам ал-мулка.

²⁷ Букв. «свободный литератор».

мне до этого нет дела. Нужно только, чтобы он не отстранял меня вообще от дел».

Султан повернулся ко мне и сказал: «Кази, иди и скажи Абу-Бакру²⁸: «Адиб – наш старинный слуга. Его нельзя отстранять от дел. Поручи ему свои дела». Если он печется о ком-то другом, мне нет до этого дела. Слава Аллаху, держава наша такая огромная, если даже будет две-три тысячи секретарей, для всех них найдется дело».

Кази рассказывает: «Я поклонился и уже выходил, когда султан добавил: «Кази, нужно, чтобы ты отправился немедленно и вернулся с ответом на это устное распоряжение. Я буду сидеть и ждать».

Кази ушел, повидал Низам ал-Мулка и передал послание падишаха. Тот поклонился и сказал: «Падишах отдает приказы. Однако я поклялся в том, что пока я служу, я не возьму к себе на должность Адиба. Падишах ведь не допустит, чтобы я изменял своим правилам».

Кази рассказывает: «Я сказал Низам ал-Мулку, что его слова прекрасны. Но с падишахом шутить нельзя и понуждать его к крайним мерам. И, разумеется, в этом нет пользы».

Низам ал-Мулк ответил: «Я понимаю, что он заступает за Абу Джа'фара Завзани».

Как ни повторял я ему свою мысль, он продолжал упорствовать. Когда я, извинившись, вышел от него и пришел к султану, тот осведомился: «Что сказал Абу-Бакр?»

Я ответил: «Он поклонился, составил рескрипт и встал в молчании».

Падишах понял, что Низам ал-Мулк сказал что-то, что не пристало говорить прилюдно. Он подозвал меня к себе. Я приблизился, рассказал о его клятве и увидел признаки гнева на султанском челе.

Султан молвил: «Если Абу-Бакр поклялся, что не возьмет Адиба Мухтара на должность секретаря, я тоже поклялся, что назначу Адиба носителем печати. Затем он повернулся к Кумачу, который был эмиром-дворецким (*амир-и хаджиб*), и сказал: «Мы передали ведомство носителя печати Адибу. Отведи его в казну и надень на него почетное платье. Затем отведи его в присутствие (*диван*) и посади на подушку визиря справа».

Адиб поклонился и поцеловал руку султана. Присутствующие стали его поздравлять. На другой день его облачили в почетную одежду, отвели в присутствие и посадили на место Абу-Бакра. Волей-неволей Низам ал-Мулку пришлось поздравить его и выказать радость. Адиб вплоть до своей кончины был носителем печати (*мургаи*). А упрямство Низам ал-Мулка снизило уважение людей к нему.

[6, л. 196б]

²⁸ Так султан называл Низам ал-Мулка.

(1554). САМАНИДСКИЙ ВИЗИРЬ И ЕГО ЗАВИСТНИК.

Один завистник из зависти, а не из сочувствия спросил как-то Абу Мансура ‘Азиза, визиря дома Саманидов: «О, господин! Почему ты так терпеливо переносишь головную боль?»

Визирь ответил: «Головная боль легче, чем боль сердца. У всякого, кому дали поручение, и он успешно справился с ним, головная боль не уменьшается. У каждого, кого сжигает огонь зависти, нет лекарства избавиться от душевной боли».

Великие мудрецы сказали: «Доброе от завистника состоит в том, что ты радуешься оттого, что он печалится».

[7, с. 35]

(1626). СМУТЪЯН ‘АЛАВИ АЙЛАКИ

Во времена Султана Маликшаха появился некий Алид по прозвищу ‘Алави Айлаки. А имя ему было Махмуд. Он болтал на разные темы. Некоторые из его проповедей походили на слова «людей в белых одеждах» (*сапид-джамаган*)²⁹. Он смешивал кое-что из хуррамдинских³⁰ проповедей с речениями мусульман. Он претендовал на знание родословной арабов. Простым людям за небольшую плату он сочинял родословные и приписал их им, связывая их с родом пророка [Мухаммада]. Это было источником его доходов. Одной из его выдумок было то, что он «продавал» людям рай. Каждому, кого он встречал, он говорил: «Купи у меня десять райских дворцов за та-

²⁹ Имеется в виду антиарабское народное восстание в Средней Азии 70–80-х гг. VIII в., известное также как движение «людей в белых одеждах». Это восстание возглавлял Муканна. Он проповедовал учение, в основе которого лежали идеи маздакизма, и призывал активно бороться против политического и экономического неравенства и господства Арабского халифата. Главной движущей силой Муканны восстание было трудовое крестьянство Мавераннахра. Первоначально в нём участвовали и мелкие местные землевладельцы. Восставшим помогали кочевые тюркские племена. Основными центрами Муканны восстание были селение Наршах (около Бухары), Самарканд и горная крепость Санам области Кеш. Сосредоточив огромные военные силы, арабы в 776–783 последовательно разгромили эти центры и после многолетней борьбы подавили Муканны восстание около 783–785. Муканна, чтобы избежать плена покончил с собой. Традиции восстания Муканны и движения «людей в белых одеждах» сохранялись в Средней Азии до XII в.

³⁰ Хуррамдины, или хуррамнты, – приверженцы ряда антиисламских, антихалифатских сект в Иране, Азербайджане, Средней Азии, действовавших в начальный период правления Аббасидов (См. Аббасиды). Придерживались маздакизма, выступали за социальное равенство. Участвовали в восстании Абу Муслима 747–750, Сумбада-мага 755. Под их знаменем проходили восстание «краснознаменных» 778/779, восстание Муканны 70–80-х гг. VIII в. и восстание Бабека в IX в.

кую-то плату. Я буду твоим ответчиком». Он рассказывал и другие, подобные этим, небылицы.

Когда народ узнал о его болтовне, его привели к судье города Мерва и засвидетельствовали его проповеди, достойные смертной казни. Судья приказал его казнить. Его повесили. Первый, кто бросил в него камень, был Кази Абу Махмуд, судья Мерва. Вторым был ‘Абдаллах Саффар, муфти своего времени. Тогда и остальные последовали их примеру, пока его тело не раздробили на куски, так что материя, содержащая его, разъединилась.

[7, с. 231–232]

(1649). ТАМГАЧ-ХАН И ХИЗР-БЕК

Достойный доверия источник сообщает, что между ханом Хотана, которого звали «Сын Саваджи³¹», и Тамгач-ханом Кашгара существовал клятвенный договор. Сын Саваджи не был ханом из древнего рода. Он захватил вилайет силой и собрал большое войско. А у хана Кашгара был древний род: со времени Афрасиаба до времени его отца все [из его рода] были падишахами. Из миролюбия он поддерживал добрые отношения с ханом Хотана, а благодаря заключенному договору чувствовал себя в безопасности и не помышлял о подготовке к войне.

Когда сын Саваджи прознал о беспечности [хана Кашгара], желание завладеть владением (*мулк*) Кашгар стало побуждать его на нарушение договора и вероломство. Он усердно занялся подготовкой захвата владения Кашгара. Собрав тридцатитысячное войско, [сын Саваджи] подошел к Кашгару.

Хан Кашгара был не готов к войне. Он направил посланцев к сыну Саваджи, напоминая ему о заключенном договоре, клятвах и обязательстве. Как ни старался он это донести до него в ласковой и любезной манере, это было бесполезно, и хан Хотана не придал этому никакого значения. Хан Кашгара оказался в отчаянном положении.

А среди городов Туркестана есть один, который называют Кеш³². Там тоже был падишах из древнего рода. В его вилайете, в деревне под названием Барам, был некий дехканин, у которого был взрослый сын. В отваге он посмеялся бы над Рустамом, [сыном] Заля, а в битве не стал бы хвалить и Асфандийара, [так как превзошел бы и его]. Звали этого человека Хизр-бек. Увидев в себе такую силу, он стал стыдиться положения дехканина. Ежедневно он ходил на охоту и схватывался с тиграми и барсами. Как-то он в одиночку, будучи пешим, взял копье и отправился в вилайет Тагар. От его города до Та-

³¹ Возможно, здесь передано древнетюркское слово *savči*, означавшее «пророк, посланник».

³² Позднее центром этого вилайета стал город Шахрисябз.

гара было 15 дней пути через пустыню. Тагар – просторный вилайет, его жители известны в Туркестане своим миролюбием, и никто не слышал об их отваге.

Итак, Хизр-бек оказался в пределах Тагара. На краю одной деревни он устроил засаду, пока группа людей из той деревни не вышла к своим посевам и постройкам. Вдруг он выскочил, закричал на них, вложил стрелу в свой лук и приказал им: «Свяжите друг другу руки!» Они все выполнили его приказ. Он подошел к ним, взял всё, что у них было с собой, погнал их перед собой, пока не привел в свой вилайет. После этого к нему стали обращаться с просьбой о помощи. Через несколько дней он опять отправился в Тагар, пришел в другое место, в одиночку напал на группу людей и обратил их в рабство. Он заработал от этой добычи столько, что купил себе лошадь.

Отправившись опять один за добычей, он приблизился к одному селению из селений Тагара. Увидев кучу несмолотого зерна, он спрятался в ней. А в том вилайете зерно мололи с помощью лошадей. Прошел час. Пришли люди с четырьмя лошадьми. Он продолжал ждать пока не пришли их жены и дети и не принесли еду. Когда одна женщина подошла к котлу, ее муж сказал: «Посмотри хорошенько в котел, не сидит ли там Хизр-бек». Услышав эти слова, Хизр-бек вышел из кучи зерна с обнаженной саблей и закричал: «Вот и пришел Хизр-бек!» У людей [от страха] онемели руки и ноги, ими овладел ужас. Он связал их всех, сел на коня и привел их в свой вилайет. Его слава распространилась по всему Туркестану. Мятежный люд, конный и пеший, потянулся к нему. Вокруг него собралось много всадников.

Внезапно с 700 конных и 2 000 пеших воинов он напал на Кеш. Местный падишах был беспечен, не думая о Хизр-беке, считая его своим подданным. Когда Хизр-бек подошел к Кешу, он осадил его, несколько дней вел бой, но не смог взять город. Тогда он снял осаду и стал лучше готовиться к походу. Страх перед ним вселился в сердца жителей Кеша. [Тем временем Хизр-бек] отправился в Тагар в набег и разорил его, захватив много лошадей, имущества и пленных, и стал готовиться к походу на Кеш. Внезапно напав на город, он проявил усердие и захватил его укрепления. Овладев Кешем, он был справедлив к его горожанам и стал управлять им.

Хотя он был известен своей отвагой, никто не называл его ханом. Над ним не несли зонтика³³ и не кричали прохожим «Посторонись!».

В это время хан Кашгара, озабоченный своим положением, отправил посланника к Хизр-беку с просьбой о помощи. Хан обнадежил Хизр-бека следующими словами: «Я дам тебе ханский титул, прикажу, чтобы тебя охраняли с копьями, несли зонтик и оповещали

³³ Зонтик – древнейший атрибут верховной власти, известный в Древнем Египте, древнем Китае, Эфиопии и в других странах.

о твоём шествии возгласами «Посторонись!». Твое имя будет помянаться среди падишахов».

Ознакомившись с содержанием письма [хана], Хизр-бек позвал своего сына и сказал ему: «Я отправлюсь на помощь к хану Туркестана не ради себя, а ради тебя. Мой черед прошел, я сделал свое дело. Теперь настало твое время. Я хочу сделать это ради тебя, чтобы у тебя были выпеченный хлеб и чистая вода, а имя твое было с ханским титулом».

Затем он выбрал 150 конников из своих людей и 150 всадников верхом на быках и с этими тремястами, каждый из которых был подобен Рустаму, отправился в Кашгар. А хотанское войско осаждало ворота Кашгара, и много воинов прибыло в его лагерь. Они прослышали, что против них выступило войско Кеша, но не думали, что их число будет незначительным. [Хизр-бек] подождал, пока не зайдет солнце, а потом приблизился к [вражескому] лагерю. Всадники на быках спешили, отпустили быков и вложили стрелы в луки, а конники положили копья на уши своих коней, обнажили сабли, бросились в атаку и ворвались в лагерь, когда люди там крепко спали. Стали крушить палатки и убивать людей. Те принялись убивать друг друга.

Когда Хизр-бек проезжал через лагерь, он увидел туши быков, часть из которых уже съели, а часть употребили для провяления. Хизр-бек приказал пешим собрать вяленые туши, привязать их к хвостам доставшихся в добычу лошадей и гнать их в разных направлениях. Этим они разбудили все войско, которое, схватив сабли, увидело повсюду отрубленные головы. Большинство войска бежало. До рассвета было убито около 7 тысяч человек, а остальные обратились в бегство. Хизр-бек приказал своим друзьям: «То, что находится в лагере – не ваше, все это принадлежит хану Кашгара».

На другой день хан вышел из города, пожаловал Хизр-беку пышные дары и многочисленные подарки, подарил ему все, что было в лагере хотанского войска, и пожаловал ханское звание. Это звание вплоть до нынешнего времени сохраняется за его родом. Все, что приключилось с хотанским войском, проистекло из-за нарушения договора. Если бы не это, как умный может постигнуть то, что не более чем 150 всадников рассеяли 30 тысяч воинов?! Каждого, кто нарушает соглашение или пренебрегает договором, преславный и всевышний Бог делает побежденным.

[7, с. 299–307]

(1677). ИСМА'ИЛ САМАНИ И ИМАМ ИЗ НИШАПУРА

Рассказывают, что когда эмир Исма'ил Самани привел в порядок (*саман*) государственные дела, он прибыл в вилайет Нишапур и разостлал на той земле ковер справедливости. Однажды какой-то имам

пришел к нему и вел с ним беседу на разнообразные темы. Во время беседы эмир Исма'ил задал ему вопрос: «У меня возникло затруднение. Я хочу, чтобы ты разрешил его и с помощью своего опыта и дарования удалил впившийся в мой разум клюв этого сложного вопроса. Вопрос следующий. Вначале Хорасаном владели Му'азиды (Му'азиды)³⁴. А они были притеснителями. Когда они правили, подданные желали только своей смерти. Когда же их время кончилось, и судьба свернула ковер их власти, их сыновья и последователи уцелели, их имущество и владения остались за их потомками, а вакфы и пожертвования также сохранились. Когда пришел черед Тахиридов, то они были знающими и справедливыми людьми, пекущимися о своих подданных. Никогда хорасанцы не пребывали в такой беззаботности, как в их время. В чем причина того, что когда их черед прошел, и все их потомки и последователи были истреблены, их владения пришли в еще больший упадок? Ведь причиной разорения их имущества не могло быть угнетение, а их справедливость не защитила от бед их слуг и сторонников!»

Имам-собеседник ответил: «Разница [между Му'азидами и Тахиридами] состоит в том, что, когда власть ушла из рук Му'азидов и перешла к Тахиридам, последние были справедливыми, щедрыми и милостивыми падишахами. Они не были связаны с Му'азидами и сохранили за теми их имущество и владения, не посягая на них, пока управляли государством. Когда вода иссякла в ручье правления Тахиридов, в мире возник сель притеснения и ураган насилия рода Лайса³⁵. А они [из рода Лайса] были угнетателями, которые не испытывали страх перед богом. Йа'куб³⁶ был притеснителем и тираном. Он искал любое место, связанное с Тахиридами, и захватывал его или притеснял его владельцев. В силу этого, следы этих великих людей (т. е. Тахиридов – Т. Б.) изгладились, так что не осталось и следа от их государства. Род же Лайса был сокрушен рукою самого Лайса. Злая слава этого рода и добрая молва о Тахиридах стали темой бесед при луне так, как сказано [в стихах:]

Если о тебе пошла молва, о, мудрец,
Пусть она будет доброй, а не злой!»

[7, с. 375–378]

³⁴ Му'азиды – династия в Мерве (Деххода).

³⁵ Имеется в виду династия Саффаридов (861–913).

³⁶ Йа'куб Абу Йусуф ас-Саффар (правил в 861–879) – основатель династии Саффаридов.

(1716). АМРУ ЛАЙС И ХАЛИФ МУ'ТАЗИД

Когда эмир Исма'ил Самани, да смилуется над ним Аллах, повел по приказу повелителя правоверных Му'тазада войну против 'Амру Лайса, он разгромил и взял в плен последнего. Заключив его в железную клетку, он отправил его к его величеству халифу. Когда 'Амру привезли в Багдад, повелитель правоверных Му'тазид³⁷ устроил всеобщий прием, пригласив на него простых и знатных. Во время приема он произнес следующие слова: «За падишахские милости [у повелителя] есть права в отношении вас. Если вы проявите неблагодарность, требующий свое право [за оказанную милость], найдет на вас управу!»³⁸.

[7, с. 540]

**(1792). ОТВЕТ МАДЖД АД-ДИНА БАГДАДИ
ШИХАБ АД-ДИНУ ХИВАКИ**

Составитель этих рассказов Мухаммад 'Ауфи рассказывает [следующее]. Однажды Шихаб ад-Дин Хиваки³⁹, который был личным

³⁷ Му'тазид (Му'тадид) – багдадский халиф, правивший в 892–902.

³⁸ Слова халифа приведены на арабском языке.

³⁹ Выдающийся государственный деятель на службе у хорезмшахов. Убит монголами в Нисе ок. 1221. Вот что писал о нем автор биографии Султана Джалал ад-Дина Манкбурны: «Шихаб ад-Дин Абу Са'д ибн 'Имран был выдающимся, достойным факихом, муфтием толка аш-Шафи'и, да будет доволен им Аллах!

К фикху он прибавил [знание] лексикологии, медицины, диалектики и других наук, красноречия, языкознания и [науки] о хорошем управлении. Юпитер был приобретателем его успеха, Меркурий – слушателем его поучений. Проницательный был ничтожен рядом с его сметливостью, самый остроумный был слугой его мысли. Он достиг при султани такой степени, после которой не остается места для желания большей, ибо нельзя возвыситься выше неба. Он (султан) советовался с ним по серьезным вопросам и прислушивался к его мнению в важнейших делах. И не раз можно было видеть, как владыки и вазирь земли, люди высоких степеней из числа эмиров стояли у его дверей рядами, а он в это время по обыкновению обучал имамов. Он вел преподавание в пяти мадрасах Хорезма и не прерывал здесь занятий, пока не уезжал, и тогда хаджибы [султана] могли беседовать с ним о [различных] делах. Иной раз проситель ждал у дверей год или более, уходя и снова возвращаясь, и не мог добиться решения по своему делу из-за того, что дела были многочисленны, государство обширно, а толпа просителей велика. Султан нуждался в печати, чтобы ставить свой знак, а именно: «Уповаю на Аллаха единого». Его [89] замещала, заверяя печатью указы, старшая из его дочерей, Хан-Султан, потому что указов стало так много, что на то, чтобы ставить знак, уходила большая часть времени султана, и это отвлекало его от других важных дел. Поэтому в последние годы сам он ставил знак лишь на указах, содержащих особо важные распоряжения.

О высокой степени Шихаб ад-Дина Абу Са'да свидетельствует и то, что в тех случаях, когда послание исходило на имя кого-либо из владетелей, кто бы он ни

вакилом⁴⁰ у Султана Искандара⁴¹, отправил письмо к шейху шейхов (*шайх аш-шуйух*) Маджд ад-Дину Багдади⁴² с вопросом: «Следует ли нам поддерживать деятельность [правителя], дабы обрести светлый путь во тьме [материального] мира и разрезать путы забот мечом возвращения к вере и рвения [за нее]?»

Шейх написал следующий ответ: «На службе у падишахов нужно усилить помощь угнетенным и милость к обиженным». И еще шейх писал: «Когда Абу Са'ид Абу-л-Хайр⁴³ отправился в Харакан⁴⁴, ему довелось встретиться с Шейхом Абу-л-Хасаном Харакани⁴⁵. Они уединились и начали диспут о тайнах тариката. Шейх Абу-л-Хасан ревностно соблюдал правила веры, а Шейх Абу Са'ид был подобен султану и восседал на золоченом сиденье. Шейх Абу-л-Хасан сказал ему: «Эй, Са'ид! Меня воспитали в нужде, а тебя – в неге. Ты радуешься, а я буду жить в печали. Ты пользуешься удобствами жизни, а я буду проявлять религиозное рвение. Тогда, хвала Аллаху, мы оба выполним его предписание». Великого садра Шихаб ал-миллат в-ад-Дин⁴⁶

был, его имя упоминалось в конце указа после имени вазира. Что касается Шихаб ад-Дина, то в знак его величия и почтения к его степени его имя не упоминалось, чтобы оно не стояло после [имени] вазира, а писалось так: «По высочайшему повелению, да возвеличит Аллах повелителя, и по верховному указу, да пребудет оно вечно великим!» Далее шли упомянутые нами лакабы вазира, а затем писали в соответствии с посланием, поступившим для переписки [набело].

Он (Шихаб ад-Дин) построил при шафиитской мечети в Хорезме библиотеку, подобной которой не видели ни раньше, ни впоследствии. Когда он решил выступить из Хорезма, потеряв надежду на возвращение туда, он не хотел оставлять книги и взял с собой самые дорогие из них. После его убийства в Насе они попали в руки простонародья и черни. Я стал разыскивать их, собирал их и приобрел наиболее ценные из них. Я владел ими, пока не очутился, влекомый руками чужбины, то в восточной, то в западной части земли. Я оставил их в крепости вместе с тем, что имел из унаследованного /61/ и приобретенного. Впоследствии из всего покинутого я сожалел только о книгах» [23, с. 88–89].

⁴⁰ Вакил – дворецкий у хорезмшахов.

⁴¹ Имеется в виду хорезмшах Султан Мухаммад ибн Текеш, который после покорения Мавераннахра и победы над каракитаями стал именоваться «Вторым Искандаром и Санджаром» [8, с. 9 (примечание издателя)].

⁴² Шейх Маджд ад-Дин Шараф бен Му'айяд бен Мухаммад бен Абу-л-Фатх Хоразми Багдади (от селения Багдадак в Хорезме) – известный святой, казненный по приказу хорезмшаха Султана Мухаммада [8, с. 9].

⁴³ Абу Са'ид Фазлаллах Абу-л-Хайр (967–1049) – известный персидский суфий и поэт-мистик.

⁴⁴ Название одной из деревень в Хорасане близ Бастама по дороге в Астрабад.

⁴⁵ Шейх Абу-л-Хасан Харакани (ум.1034) – знаменитый хорасанский шейх и суфийский проповедник.

⁴⁶ Очевидно, это титул Шихаб ад-Дин Хиваки. В переводе титул означает «пламя религии и веры». Садр – титул высших духовных лиц в Мавераннахре того времени.

следует держать у престола, чтобы нам было куда смотреть, совершая молитву».

Этого указания вполне достаточно. На службе у падишахов необходимо увещевание, так чтобы, находясь при падишахском дворе, быть благонамеренным и направленным на добрые дела, дабы обеспечить падишахам веру, богатство и счастье в этом и в том мире.

[8, с. 9–11]

(2008). КАМЕНЬ СМЕХА

Как-то поэты и наперсники Султана Наср ад-Дина Арслан-хана⁴⁷ сидели с ним в собрании, и составитель этой книги Мухаммад Ауфи тоже был там. Какой-то поэт привел стихи Мансура Мантики и дошел до его бейта:

Много иранцев побывало в Тибете;
Теперь же цветок не распухнет в саду.

Султан заметил: «Отмеченные иранцами особенности смеха в Тибете могут оказаться весьма полезными». Каждый из присутствовавших в силу своих способностей высказался по этому поводу. Хотя я и был при исполнении служебных обязанностей при дворе султана⁴⁸, тем не менее, удосужился переписать книгу своего дяди Маджд ад-Дина относительно свойств вещей (*Хасийат-и ашйа*). Поэтому я сказал свое слово: «Значение рассматриваемого бейта следующее. В Тибете есть магнитный камень, который называют «камнем смеха» (*хаджр ал-бахат*). Он светлый, блестящий и с гляncем. Особенность его в том, что если кто-то взглянет на него, то начинает смеяться и не может перестать. Даже если он убежит и укроется от камня, все равно будет продолжать смеяться. А там есть зверек черного цвета с продолговатым телом, его лапы и глаза – красного цвета. Если этот зверек сядет на тот камень, то последний теряет свои свойства. Рассказывают еще, что если тибетцы увидят этот камень, они не подвержены смеху. Если же его увидят чужеземцы, то они начинают смеяться. Его свойства воздействуют только на чужеземцев⁴⁹. Именно этот смысл Ман-

⁴⁷ Имеется в виду Караханид Султан Нусрат ад-Дин ‘Усман ибн Ибрахим ибн Хусайн – илак-хан Туркестана, правивший в Самарканде в 1204–1211.

⁴⁸ Ауфи здесь, очевидно, подчеркивает, что у него, как у писца или секретаря, в отличие от поэтов и наперсников султана, не было свободного времени на чтение развлекательных книг.

⁴⁹ В описании Ауфи угадываются симптомы «горной болезни» (болезненное состояние, связанное с кислородным голоданием) средней степени: на высотах 2500–3500 м у некоторых людей могут наблюдаться признаки эйфории: приподнятое настроение, излишняя жестикуляция и говорливость, ускоренный темп речи, беспричинное веселье и смех, беззаботное, легковесное отношение к

сур [Мантики] вкладывал в свои стихи». Когда слуги султана подтвердили правоту этих слов, было признано великое старание автора этой книги. О свойствах веществ есть много сведений подобных этому. А причина того, что магнитный камень делает железо своим союзником, заключена в сходстве между ними. Если же помазать магнитный камень оливковым маслом, железо «убежит» от него... Если же этот же камень намажут оливковым маслом и бросят в баранью кровь, он вновь обретет свою силу. Никто, кроме бога, не знает тайн свойств, почему у янтаря (*биджада*) любовь к соломе⁵⁰ и отчего существует любовь между магнитом и железом⁵¹...

[6, л. 280б]

* * *

Прежде, чем приступить к рассмотрению приведенных известий, необходимо сказать несколько слов о мотивах, двигавших Ауфи при написании своего труда. Ауфи писал свою книгу, находясь в изгнании в Индии, когда его родина – Средняя Азия была опустошена и покорена монголами. Он почти не пишет об этих ненавистных ему завоевателях (в его своде имеется только один довольно сдержанный рассказ о вероломном захвате Чингиз-ханом иранского города Рея⁵²), обходя молчанием недавно пережитые им драматические события. Такое отношение к современным ему событиям словно предвосхищает на семь веков сходную позицию великого русского писателя Александра Грина (1880–1932), который, создавая свои шедевры, предпочел умереть тяжелобольным в полной нищете, чем пойти на сделку с совестью, сочиняя что-либо на тему советской действительности, хотя благодаря этому он мог бы улучшить свое здоровье, материальное и общественное положение.

Истинное же отношение к монгольскому нашествию проявляется у Ауфи в его рассказах о династиях домонгольской Средней Азии. О них он пишет в позитивном плане. Даже Караханиды, в рассказах о которых показана их суровость, находят оправдание и уважение у Ауфи. Так, он с удовлетворением рассказывает о поголовном истреблении всех до единого разбойников, заманенных караханидским правителем в ловушку⁵³. Поддерживает он и суровое наказание Тамгачханом юного преступника⁵⁴. Твердая позиция Ауфи в отношении ор-

окружающей среде. В дальнейшем эйфорическое состояние сменяется упадком настроения, апатией, меланхоличностью, притупляется интерес к окружающему.

⁵⁰ Как известно, наэлектризованный янтарь притягивает солому.

⁵¹ В то время в науке еще не было выработано понятие электрического поля.

⁵² Рассказ (725), см.: [9, с. 103–104].

⁵³ Рассказ (509), см.: [9, с. 84–86]. См. также сходный по смыслу рассказ (733) в [9, с. 106].

⁵⁴ Рассказ (551). См. также рассказ (508) в [9, с. 83–84].

ганизованного преступного мира удивительно близка к глубоким нестандартным взглядам, высказанным на эту тему крупнейшим русским писателем XX века Варламом Шаламовым (1907–1982) в его «Очерках преступного мира». Никаких переговоров и компромиссов с разбойниками, а наоборот, их полное физическое устранение любыми средствами – вот, по мнению Ауфи, самое эффективное решение проблемы! Как и автор бесценных «Колымских рассказов», Ауфи хорошо знал преступный мир и воровской кодекс⁵⁵ и считал, что они не имеют никаких прав на существование.

Больше всего известий – о **Саманидах** (28 рассказа, или 1/3 всех известий о четырех династиях), из них 11 – об Исмаиле Самани (892–907), 5 – о Насре II бен Ахмаде (914–943), 2 – об Абд ал-Малике бен Нухе (954–961) и 2 – о Нухе II бен Мансуре (976–997). При всем пиетете перед Саманидами отношение Ауфи к этой династии взвешенное и сдержанное, с долей юмора и критицизма. В рассказе (500), взятом из недошедшей до нас «Истории Исма‘ила [и] Насра бен Ахмада ас-Самани», содержится новая информация о событиях в Испиджабе на территории Южного Казахстана в X веке [9, с. 80–82]. Тема других оригинальных известий – борьба Саманидов с сепаратизмом наместников и саманидско-буидские отношения. В рассказах о Саманидах автор поднимает очень важные теоретические вопросы политики, которые актуальны и в наше время. Например, в рассказе (621) рассматриваются две проблемы:

чем отличается политический конфликт двух чужих (по отношению друг к другу) людей от политического конфликта близких родственников (братьев);

как разрешить проблему, не прибегая к кровопролитию, если один из братьев решил избавиться от другого.

В рассказе (787) приводится **полная титулатура** саманидского правителя Нуха бен Мансура и его визирей. В рассказе (1426) обсуждается вопрос, представляет ли широкая благотворительная деятельность частных лиц угрозу для государства (Ауфи считает, что да, представляет). В рассказе (1534) Ауфи специально рассуждает о причинах упадка Саманидов и склоняется к мысли о том, что этот упадок в немалой степени был вызван острым недостатком талантливых кадров высшего административного звена. В целом, Ауфи дает свою версию по узловым моментам истории Саманидов, которая, к сожалению, до сих пор не учитывалась **ни в одном из исследований** на эту тему как в СССР и СНГ, так и за рубежом.

О **Великих Сельджукидах** имеется 24 рассказа, из которых 8 посвящены Султану Санджару (1118–1157), 5 – Маликшаху (1072–1092), 2 – Алп Арслану (1063–1072). 7 рассказов повествуют о выдающемся сельджукском визире Низам ал-Мулку (1018–1092), 2 – о

⁵⁵ Рассказ (1490), см.: [9, с. 84–86].

визирях из рода Завзани (Хорасан), 2 оригинальных рассказа – об Абу-л-Фазле Кирмани – известном законоводе времени Султана Санджара. Другим Сельджукидам посвящено еще 3 рассказа. Еще три рассказа опосредованно связаны с Сельджуками.

Живые сценки из рассказов (909) и (910) описывают жизнь при дворе последнего **Сельджукида Кермана** Малика Мухаммада (1183–1186), сведения о политической деятельности которого вообще очень скудны.

Караханидам посвящено 16 рассказов. Из этого числа 7 рассказов повествуют о тех, кто носил титул Тамгач-хан и 2 – о лицах с титулом Илак-хан. Рассказ (1974) излагает легенду о происхождении имени Кара-хан. Оригинальные сведения: версия о происхождении Караханидов и попытка ее интерпретации, политические связи восточнотуркестанских Караханидов с Шахрисябзом (Хизр-бек). В рассказе (352) приводятся новые генеалогические сведения (причем более точные, чем те, которые содержатся в новейшей монографии по Караханидам проф. Б.Д. Кочнева [22]) сразу по двум крупным фигурам среди поздних Караханидов (начало XII века) – противнику Сельджукида Санджара Джабра'ил Кадр Карахану (из ветви «Хасанидов» по классификации Кочнева) и ставленнику Султана Санджара в Самарканде Мухаммад-тегину (из ветви «Алидов» по классификации Кочнева).

В рассказе (1524) о двух рабах Искандара Ауфи, прибегая к образу и авторитету Александра Македонского (Искандара) поднимает на обсуждение и трактует сложнейшие вопросы теории государственной власти. Разрабатывая вопрос об авторитете власти, Ауфи на параллельных примерах караханидского правителя и Искандара показывает, что абсолютизация авторитета власти хотя и наносит ей вред, приводя к устранению талантливому государственному деятелю (годовой домашний арест умудренного опытом караханидского визиря из-за ошибочно понятого слугой устного распоряжения правителя) и преданию казни заведомо невинного и даже многообещающего для государственной службы молодого чиновника (опять таки из-за ошибки раба Искандара), в этих репрессиях присутствуют положительные моменты: 1) соседние правители не могут обвинить караханидского хана в **нерешительности**, которая есть, по мнению Ауфи, **самый страшный грех верховного правителя**; 2) если молодой человек будет оправдан и спасен от казни, он уже испытал отчаяние и видит виновником этого верховного правителя; поэтому последний никогда уже не сможет рассчитывать на его верность и преданность, и его лучше казнить и этим сохранить твердость и авторитет власти, не отменяющей своих решений!

Хорезмшахам посвящено 6 рассказов, которые содержат ряд новых данных об этой династии. В одном из рассказов (493) мы узнаем о взаимоотношениях ранних Хорезмшахов (начало XI в.) с Газ-

невидами, чьими ставленниками первые первоначально являлись. У Ауфи приводится неизвестная версия похода Гуридов на Хорезм в 1204, неучтенная в монографии З.М. Буниятова [16, с. 67–68]. ‘Ауфи приводит несколько рассказов о хорезмшахе Текеше (1172–1200), характеризующих личность этого правителя, его культурный уровень и формы контроля им обширных подвластных территорий, включая Хорасан. Этот правитель⁵⁶ и его жена Худаванда-йи Джахан⁵⁷ – родители хорезмшаха Мухаммада и, соответственно, дед и бабка султана Джалал ад-Дина, оказавших упорное сопротивление монголам в Мавераннахре, Афганистане и на севере Индии – заслужили особую похвалу у Ауфи. В рассказах о Текеше высказывается мысль о том, что справедливо управлять людьми и государством – это не только моральный, религиозный и общественный долг, но искусство, подобное поэтическому дару самого Текеша.

Цитируются каламбур [9, с. 91–92] и стихи хорезмшаха Текеша, который как поэт вообще не учтен и не отмечен в специальном библиографическом справочнике персоязычных поэтов домонгольского времени [30]. Из рассказа (1138) видно, что Текеш неплохо играл на ударно-струнном музыкальном инструменте и участвовал в музыкальных концертах.

Несмотря на то, что некоторые рассказы Ауфи об этих династиях носят компилятивный характер, и удалось выявить их первоисточники («Сиасет-наме» Низам ал-Мулка), большинство из них содержит **уникальные сведения**, не встречающиеся ни в одном из известных источников (в том числе – рассказы о Низам ал-Мулке).

Историко-культурные взаимоотношения Востока с Византией и Западом в домонгольский и ранне-монгольский периоды по ‘Ауфи

Важнейшее известие по этой тематике у ‘Ауфи, это – его рассказ о событиях, связанных с битвой при Манцикерте (1071)⁵⁸, имевшей эпохальное значение и знаменовавшей начало завоевания турками-сельджуками византийской Малой Азии. В нем ‘Ауфи приводит неизвестную версию, которая совершенно по-новому объясняет причину поражения византийского войска. Из этой версии видно, что победе Сельджуков способствовало то обстоятельство, что **византийцы, получив от неприятеля заверения заключить мир на выгодных для Византии условиях, были демобилизованы и морально**

⁵⁶ См. рассказы (554) и (555).

⁵⁷ См. рассказ (728).

⁵⁸ Рассказ (746) о пленении Малик-шаха и хитрости Низам ал-Мулка [9, с. 109–112]. В этом рассказе небезынтересно упоминание о существовании в XI–XIII вв. в Константинополе караван-сарая для приезжих мусульман и обители дервишей.

не готовы к решающей битве, которая произошла сразу же вслед за заключением мира. Версия ‘Ауфи о битве при Манцикерте осталась неизвестной для проф. К. Хилленбранд, составительницы самого полного свода мусульманских известий об этой битве [39].

Не менее важным представляется **письмо Султана Санджара к византийскому императору**, которое до сих пор не было объектом специального исследования. Хотя письмо не датировано, оно, вероятно, относится к началу 1140-х гг.⁵⁹ В этом письме Санджар угрожает походом на Византию, если она не вернет назад угнанных из Северной Месопотамии в плен 50 тыс. мусульман. Послание Султана Санджара, будучи едва ли не последним известным официальным документом дипломатических связей Средней Азии и Византии в домонгольский период, удачно дополняет коллекцию сельджукских официальных документов (*инша*) первой половины XII века «‘Атабат ал-катаба» [20]. К сожалению, этот факт неизвестен или игнорируется в работах византинистов. Письмо доказывает, что и в середине XII века Средняя Азия оказывала прямое воздействие на международные отношения Византии с мусульманским миром. Средняя Азия и позже продолжала оказывать сильное влияние на судьбу Византии. Как известно, кампания Эмира Тимура против Османов и его убедительная победа в Ангорской битве 1402 на целых полвека отсрочили падение Византии. Одна из надписей на мавзолее сестры Эмира Тимура в Самарканде, цитирующая сентенцию Сократа [28а, р. 90], заставляет думать, во-первых, о том, как высоко ценили в Средней Азии древнегреческую культуру (**государственным языком Византии всегда был древнегреческий**), во-вторых, о том, что **одной из задач войны Тимура с турками было спасение Византии**.

В четвертой части свода ‘Ауфи (напомню, что он был написан во **II четверти XIII века**) имеется притча о человеке и воробье – рассказ (1923) [9, с. 243–244]. Эта же притча приведена в усеченной версии в книге IV *Маснави* Джалал ад-Дина Руми, написанной в государстве Сельджукидов Малой Азии во **второй половине XIII века** [25, с. 150–152]. Рассказ на этот же сюжет мы обнаруживаем в средневековой латинской новелле 74 (167) из популярнейшего в Западной Европе сборника «Римские деяния» (*Gesta Romanorum*), создание которого относится к концу **XIII – началу XIV в.** [26, с. 215–216]. Выявленные литературные связи и параллели свидетельствуют об оживленном культурном обмене между Средней Азией и Западной Европой через Индию и Малую Азию, который не утихал даже в «жестокий век» монгольского нашествия. Здесь уместно привести следующую мысль академика Гордлевского о Сельджукидах Рума: «Несомненно, заслуга Сельджукидов Рума заключается уже в том, что, как только они справились с внутренними противниками, ...

⁵⁹ См. выше рассказ (1003) и примечание к нему.

восторжествовали оседлые турецкие элементы, и Сельджукиды занялись строительством» [18, с. 162].

В другом рассказе (734) о плотнике и золотых дел мастере (оба были родом из Азербайджана) повествуется об их приключениях в Византии, там приводятся любопытные детали церковной жизни византийцев, их поклонения статуям святых и т. п. Неизвестно, к какому периоду относится время действия этого рассказа, к периоду после покорения Сельджуками части Малой Азии (Рум), когда контроль Византии над малоазийскими владениями ослаб, и представители из мусульманских стран (и в их числе – плотник и золотых дел мастер) без особых препятствий ездили в соседние византийские владения, либо к более раннему периоду. В любом случае, это свидетельство о культурных контактах в Малой Азии очень важно, поскольку, как отмечал Клод Каен, «очень трудно следовать ритму и прогрессу культурного развития мусульманской Малой Азии. Подчеркиваю, что только во второй половине двенадцатого века появились какие-то ясные его признаки, и лишь в тринадцатом веке она создала произведения, которые должны были стать важными и получили признание» [36, р. 244].

Надеюсь, что моя публикация послужит более глубокому пониманию и освещению истории Средней Азии и других регионов в домонгольский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Дулаф*. Вторая записка (пер. П.Г. Булгакова и А.Б. Халидова). М.: Наука, 1960. 111+ 77 с.
2. *Агаджанов С.Г.* Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад: «Ылым», 1973. 165 с.
3. *Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М.: Наука, 1991. 302 с.
4. *Арендс А.К.* [Русский перевод 8 рассказов ‘Ауфи о Газневидах]. В кн.: Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас‘уда (1030–1041). Перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А.К. Арендса. Издание 2-е, дополненное. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969, с. 893–951.
5. ‘*Ауфи [Садид ад-Дин] Мухаммад*. Панздах баб-и джавами‘ ал-хикайат. Ба са‘ и ва ихтимам-и Мухаммад Рамазани. Тегеран, 1335/1956. 410 с. (на персидском языке).
6. ‘*Ауфи*. Джавами‘ ал-хикайат ва лавами‘ ар-ривайат. Рукопись Национальной библиотеки Франции Supplément Persan 95. 289 лл. (на персидском языке).
7. ‘*Ауфи*. Джавами‘ ал-хикайат ва лавами‘ ар-ривайат. Кисм-и суввум. Ба мукабила ва тасхих ва мукаддима-йи доктор-и Бану Мусаффа «Карими». Джилд-и I–II. Тегеран, 1352–53/1973–74. 910 с.

8. 'Ауфи. Джавами' ал-хикайат ва лавами' ар-ривайат. Джузв-и аввал аз кисм-и чахарум. Ба-мукабила ва тасхих ва тахшийа ва та'лик-и Музахир Мусаффа. Тихран: Му'ассаса-йи мутали'ат ва тахкикат-и фарханги, 1370/1991–2. 329 с.

9. 'Ауфи. Джавами' ал-хикайат ва лавами' ар-ривайат («Собрание рассказов и блестящие истории»). Сокровищница восточной мудрости. Подготовка издания, предисловие, перевод с персидского, комментарии, приложения и указатель Тимура К. Бейсембиева. Алма-Ата, ТОО «Print-S», 2005. 322 с.

10. 'Ауфи. Матн-и интикади-йи Джавами' ал-хикайат ва лавами' ар-ривайат. Джуз'-и дуввум аз кисм-и дуввум. Ба мукабила ва тасхих-и дуктур-и Амир Бану Мусаффа (Карими). Тихран, Пужухишгах-и улум-и инсани ва мутали'ат-и фарханги, 1386/2007. 16+460 с. (с. 411–870) (на персидском языке).

11. 'Ауфи. Матн-и интикади-йи Джавами' ал-хикайат ва лавами' ар-ривайат. Джуз'-и дуввум аз кисм-и аввал. Ба мукабила ва тасхих-и дуктур-и Амир Бану Мусаффа (Карими). Тихран, Пужухишгах-и улум-и инсани ва мутали'ат-и фарханги, 1387/2008. 584 с. (на персидском языке).

12. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 760 с.

13. *Бейсембиев Т.К.* Известия «Джавами' ал-хикайат» ал-'Ауфи о Газневидах // Иран-наме. № 1, 2008, с. 123–160; № 1, 2009, с. 57–92.

14. *Бейсембиев Т.К.* Известия «Джавами' ал-хикайат» ал-'Ауфи о Газневидах // Иран-наме. № 1, 2009, с. 57–92. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://safarabdulloh.kz/ru/iran_name.html

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/pred.phtml?id=9443>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/rametext1.htm>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/rametext2.htm>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/posl.phtml?id=9444>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/sokr.phtml?id=9445>

http://drevlit.ru/texts/a/aufi_pred.php

http://drevlit.ru/texts/a/aufi_text1.php

http://drevlit.ru/texts/a/aufi_text2.php

http://drevlit.ru/texts/a/aufi_posl.php

<http://www.twirpx.com/file/1488837/>

<http://www.twirpx.com/file/1503235/>

15. *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского языка П.А. Грязневича. М.: Главная редакция восточной литературы, Издательство «Наука», 1971. 324 с.

16. *Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. 247 с.

17. *Ватват, Рашид ад-Дин.* Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р). Исследование, перевод с персидского языка и комментарии Н.Ю. Чалисовой. М.: Наука, 1985 (Серия «Памятники письменности Востока»). 324 с.

18. *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В.А. Избранные труды. I том. Исторические работы. М.: Издательство восточной литературы, 1960, с. 31–318.

19. *Деххода А.* Лугат-нама. 2 версия. Тегеран: Фонд Лугат-нама-йи Деххода, [2002]. CDROM-диск (на персидском языке).

20. *ал-Джувайни, Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек.* Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-Катаба). Перевод с персидского языка, введение и комментарии. Г. М. Курпалидиса. М.: Наука, 1985. 159 с.

21. *Ибн ал-Асир.* Ал-каmil фи-т-га'рих («Полный свод истории»). Избранные отрывки. Перевод с арабского языка, примечания и комментарии П.Г. Булгакова. Дополнения к переводу, примечаниям и комментариям, введение и указатели Ш.С. Камолиддина. Ташкент-Цюрих, 2005. 595 с.

22. *Кочнев Б.Д.* Нумизматическая история караханидского каганата (991–1209 гг.). Часть 1. Источниковедческое исследование. М.: «София», 2006. 344 с.

23. *ан-Насаби, Шихаб ад-дин.* Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны Жизнеописание Султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Издание критического текста, перевод с арабского языка, предисловие, комментарий, примечания и указатели З.М. Буниятова. М.: Восточная литература, 1996. 798 с.

24. *Негматов Н.Н.* Государство Саманидов. (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.). Душанбе: Дониш, 1977. 279 с.

25. *Руми.* Поэма о скрытом смысле. Избранные притчи. Перевод с персидского языка Наума Гребнева. М.: Наука, 1986. 270 с.

26. Средневековые латинские новеллы XIII в. Издание подготовила С.В. Полякова. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 390 с.

27. *Степаненко В.П.* Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176). Свердловск: Издательство Уральского университета, 1988. 240 с.

28. *Хандамир.* Хабиб ас-сийар фи ахбар-и афрад-и башар. Джилд-и дуввум. Тихран, Китабфуруши-йи Хайам, 1362/1982–83. 824 с. (на персидском языке).

28a. *Adrados F.R.* Greek Wisdom Literature and the Middle Ages: The Lost Greek Models and Their Arabic and Castilian Translations. Bern-Berlin-Bruxelles-Frankfurt am Main-New York-Oxford-Wien, Peter Lang, 2009. XIII+392 p.

29. *al-'Awfi al-Bukhari, Sadidu'd-Din Muhammad.* Vol. II (Part I, Chapters V–X) [Anecdotes 196–564] of the Jawami'ul-Hikayat wa lawami'ur-Riwayat... Hyderabad, Dairat'ul-Ma'arif-il-Osmania Press, 1967. 480 p.

30. *Blois F. de.* Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey. Volume V. Poetry of the Pre-Mongol Period. Second, revised edition. London and New York, Routledge Curzon, 2004. 529 p.

31. *Bosworth C.E.* Ismail b. Ahmad. In: The Encyclopaedia of Islam. 2d edition. Vol. IV. IRAN–KHA. Third Impression. Leiden: E.J. Brill, 1997, pp. 188–189.

32. *Bosworth C.E.* The Political and Dynastic History of the Iranian World (A.D. 1000–1217). The Cambridge History of Iran, Volume 5: The Saljuq and Mongol Periods. Edited by J.A. Boyle. Great Britain: Cambridge University Press, 1968, pp. 1–202.

33. *Bosworth C.E.* Rafi' b. Harthama. In: The Encyclopaedia of Islam. 2nd edition. Vol. VIII. Leiden: E.J. Brill, 1995, pp. 385.

34. *Bosworth C.E.* Simdjurids. In: The Encyclopaedia of Islam. 2d edition. Vol. IX. Leiden: E.J. Brill, 1997, pp. 612.
35. *Bosworth C.E.* al-Utbi. In: The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. X. T – U. Leiden: E.J. Brill, 2000, pp. 945.
36. *Cahen C.* Pre-Ottoman Turkey. A general survey of the material and spiritual culture and history ca 1070–1330. Translated from the French by J. Jones-Williams. New York, Taplinger Publishing Company, 1968. 458 p.
37. *Credner W.* Commentatio Exhibens Historiam Samanidarum In Certamine Literario Civium Academiae Georgiae Augustae Die IV Junii 1825 Ab Ordine Philosophorum Praemio Regio Ornata... Gottingae : [s.n.], 1825. 92 p.
38. *Frye R.N.* The Sāmānids. In: The Cambridge History of Iran, Volume Four: From the Arab Invasion to the Saljuqs. Cambridge University Publ., 1975, pp. 136–161.
39. *Hillenbrand C.* Turkish Myth and Muslim Symbol. The Battle of Manzikert. Edinburg University Publ., 2007. XII, 288 p.
40. *Nizamu'd-Din, Muhammad.* Introduction to the Jawami'u'l-Hikayat wa Lawami'u'r-Riwayat of Sadidu'd-Din Muhammad al-'Awfi. London: Luzac & Co., 1929 (“E. J. W. Gibb Memorial”. New Series. Vol. VIII). 316 p. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://persian.packhum.org/persian/main>

Сведения об авторе: Тимур Касымович Бейсембиев – ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (050010, Курмангазы, 29, Алматы, Казахстан); shighistanu@mail.ru

**INFORMATION OF “JAWĀMI UL-HIKĀYĀT” BY AL-'AWFI
ON THE SAMANIDS, KARAKHANIDS, SELJUKIDS,
AND KHWAREZMSHAHS (3)***

T.K. Beisembiev

(R.B.Suleymenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan)

The article continues a series of Beisembiev's publications [9] [13] [14] on “Jawāmi ul-Hikāyāt wa Lawāmi' ul-Riwāyāt” by Sadid al-Din Muhammad al-'Awfi (completed in the second quarter of the 13th century), the largest literary and historical prosaic work in Persian classical literature of pre-Mongol and Mongol periods. It contains a collection of over 2,100 stories (very poorly studied) on diverse subjects. Up to the present, a complete scholarly edition of this greatest historical source is not available.

* The end of the article. See the beginning in: Golden Horde Review. 2015. No. 1, pp. 178–206; 2015. No. 2, pp. 197–230.

On the basis of all available publications and a MS copy of the early 14th century, Supplément Persan 95 (La Bibliothèque nationale, France), the author presents for the first time his Russian commented translation of 52 Awfi's stories (*hikayat*) on Ghaznavids, Samanids, Karakhanids, Seljukids and Khorezmshahs and gives their interpretation. The titles of the stories, absent in the original, are invented by the translator. Each title is indicated by those number in parentheses, which is specified in the fundamental study on 'Awfi by Muhammad Nizam ud-Din [40]. At the end of each story there is indicated, in square brackets, a bibliographical reference to the source, from which its translation was made. The "Repertoire" of 'Awfi containing stories about the Samanids, Karakhanids, Seljukids and Khwarezmshahs is followed by a summarized table of **all stories by 'Awfi pertaining to these dynasties** (totally 78 stories, from which 27 translated previously, with bibliographical notes to their publication).

Analysis of the works on the dynasties in question by the famous academics (V.V. Bartold, V.A. Gordlevsky, C.E. Bosworth, S.G. Aghajanov, Z.M. Bunyatov, N.N. Negmatov and B.D. Kochnev) shows that, unfortunately, **none of them** pay due attention to the valuable information of 'Awfi.

The author hopes that his publication will provide a deeper understanding in study of Central Asian history as well as that of other regions in pre-Mongol period.

Keywords: 'Awfi, Ghaznavids, Samanids, Karakhanids, Seljukids, Khwarezmshahs, 10th–13th centuries, Persian classical literature, Persian historical sources, pre-Mongol period, Turks, Central Asia, Byzantium.

REFERENCES

1. Abu Dulaf. *Vtoraya zapiska* [The Second note]. Per. P.G. Bulgakova i A.B. Khalidova). Moscow, Nauka Publ., 1960. 111+ 77 p.
2. Agadzhanov S.G. *Sel'dzhukidy i Turkmeniya v XI–XII vv.* [Seljukids and Turkmenia in the 11th–12th centuries]. Ashkhabad, Ylym Publ., 1973. 165 p.
3. Agadzhanov S.G. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednyaya Aziya v XI–XII vv.* [The Seljukid State and Central Asia in the 11th–12th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 302 p.
4. Arends A.K. [Russkiy perevod 8 rasskazov Aufi o Gaznevidakh]. V kn.: Abu-l-Fazl Baykhaki. *Istoriya Mas'uda (1030–1041)* [History of Mas'ud (1030–1041)]. Perevod s persidskogo, vvedenie, kommentariy i prilozheniya A.K. Arends. Izdanie 2e, dopolnennoe. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1969, pp. 893–951.
5. 'Aufi [Sadid ad-Din] Mukhammad. *Panzdakh bab-i dzhavami' al-khikayat. Ba sa' i va ikhtimam-i Mukhammad Ramazani.* Tegeran, 1335/1956. 410 p. (na persidskom yazyke).
6. 'Aufi. *Dzhavami' al-khikayat va lavami' ar-rivayat.* Rukopis' Natsional'noy biblioteki Frantsii Supplément Persan 95. 289 ll. (na persidskom yazyke).
7. 'Aufi. *Dzhavami' al-khikayat va lavami' ar-rivayat. Kism-i suvvum. Ba mukabila va taskhikh va mukaddima-yi doktor-i Banu Musaffa «Karimi».* Dzhild-i I–II. Tegeran, 1352–53/1973–74. 910 p.

8. 'Aufi. *Dzhavami' al-khikayat va lavami' ar-rivayat. Dzhuzv-i avval az kism-i chakharum. Ba-mukabila va taskhikh va takhshiyu va ta'lik-i Muzakhir Musaffa*. Tikhnan: Mu'assasa-yi mutali'at va takhikat-i farkhangi, 1370/1991–2. 329 p.

9. 'Aufi. *Dzhavami' al-khikayat va lavami' ar-rivayat* («Sobranie rasskazov i blestyashchie istorii») [«Collection of stories and brilliant stories»]. *Sokrovishchnitsa vostochnoy mudrosti* [The Treasury of Oriental Wisdom]. Podgotovka izdaniya, predislovie, perevod s persidskogo, kommentarii, prilozheniya i ukazatel' Timura K. Beysembieva. Alma-Ata, TOO «Print-S», 2005. 322 p.

10. 'Aufi. *Matn-i intikadi-yi Dzhavami' al-khikayat va lavami' ar-rivayat. Dzhuz'-i duvvum az kism-i duvvum. Ba mukabila va taskhikh-i duktur-i Amir Banu Musaffa (Karimi)*. Tikhnan, Puzhukhishgakh-i ulum-i insani va mutali'at-i farkhangi, 1386/2007. 16+460 p. (pp. 411–870)(na persidskom yazyke).

11. 'Aufi. *Matn-i intikadi-yi Dzhavami' al-khikayat va lavami' ar-rivayat. Dzhuz'-i duvvum az kism-i avval. Ba mukabila va taskhikh-i duktur-i Amir Banu Musaffa (Karimi)*. Tikhnan, Puzhukhishgakh-i ulum-i insani va mutali'at-i farkhangi, 1387/2008. 584 p. (na persidskom yazyke).

12. Bartol'd V.V. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Turkestan Down to the Mongol Invasion]. *Soch.* [Writings]. Vol. I. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963, 760 p.

13. Beysembiev T.K. *Izvestiya «Dzhavami' al-khikayat» al-Aufi o Gaznevidakh* [Information of “Jawami al-Hikayat” by 'Awfi about the Gaznevids]. *Iran-name*, no. 1, 2008, pp. 123–160; no. 1, 2009, pp. 57–92.

14. Beysembiev T.K. *Izvestiya «Dzhavami' al-khikayat» al-Aufi o Gaznevidakh* [Information of “Jawami al-Hikayat” by 'Awfi about the Gaznevids]. *Iran-name*, no. 1, 2009, pp. 57–92. Available at: http://safarabdulloh.kz/ru/iran_name.html

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/pred.phtml?id=9443>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/frametext1.htm>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/frametext2.htm>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/posl.phtml?id=9444>

<http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Aufi/sokr.phtml?id=9445>

http://drevlit.ru/texts/a/aufi_pred.php

http://drevlit.ru/texts/a/aufi_text1.php

http://drevlit.ru/texts/a/aufi_text2.php

http://drevlit.ru/texts/a/aufi_posl.php

<http://www.twirpx.com/file/1488837/>

<http://www.twirpx.com/file/1503235/>

15. Bosworth C.E. *Musul'manskie dinastii. Spravochnik po khronologii i genealogii* [The Muslim Dynasties. Guide to History and Genealogy]. Perevod s angliyskogo yazyka P.A. Gryaznevicha. Moscow, Nauka Publ., 1971. 324 p.

16. Buniyatov Z.M. *Gosudarstvo Khorezmshakhov-Anushteginidov. 1097–1231* [The State of Khwarezmshahs-Anushteginids. 1097–1231]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1986. 247 p.

17. Vatvat, Rashid ad-Din. *Sady volshebstva v tonkostyakh poezii* (Khada'ik as-sikhr fi daka'ik ash-shi'r) [The Magic Gardens in the Subtleties of Poetry]. Issledovanie, perevod s persidskogo yazyka i kommentarii N.Yu. Chalisovoy. Moscow, Nauka Publ., 1985 (Seriya «Pamyatniki pis'mennosti Vostoka»). 324 p.

18. Gordlevskiy V.A. Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloy Azii [The Seljukid State in Asia Minor]. Gordlevskiy V.A. *Izbrannye trudy*. I tom. *Istoricheskie raboty* [Selected Writings. Vol. I. Historical Works]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1960, pp. 31–318.

19. Dekhkhoda A. *Lugat-nama*. 2 versiya. Tegeran: Fond Lugat-nama-yi Dekhkhoda, [2002]. CDRom-disk (na persidskom yazyke).

20. al-Juvayni, Muntadzhad ad-Din Badi Atabek. *Stupeni sovershenstvovaniya katibov* (Atabat al-Kataba) [The Steps of Katibs' Perfection]. Perevod s persidskogo yazyka, vvedenie i kommentarii G.M. Kurpalidisa. Moscow, Nauka Publ., 1985. 159 p.

21. Ibn al-Athir. *Al-kamil fi-t-ta'rikh* («Polnyy svod istorii»). *Izbrannye otryvki* [Selected Fragments]. Perevod s arabskogo yazyka, primechaniya i kommentarii P.G. Bulgakova. Dopolneniya k perevodu, primechaniyam i komentariyam, vvedenie i ukazateli Sh.S. Kamoliddina. Tashkent-Tsyurikh, 2005. 595 p.

22. Kochnev B.D. *Numizmaticheskaya istoriya karakhanidskogo kaganata* (991–1209 gg.). Chast' 1. *Istochnikovedcheskoe issledovanie* [The Numismatic History of the Karakhanid Khaganate (991–1209). Part 1: The Source Study]. Moscow, Sofiya Publ., 2006. 344 p.

23. an-Nasavi, Shikhab ad-din. *Sirat as-sultan Dzhahal ad-Din Mankburny Zhizneopisanie Sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny* [The Biography of Sultan Jalal al-Din Mingburnu]. Izdanie kriticheskogo teksta, perevod s arabskogo yazyka, predislovie, kommentariy, primechaniya i ukazateli Z.M. Buniyatova. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996. 798 p.

24. Negmatov N.N. *Gosudarstvo Samanidov. (Maverannakhr i Khorasan v IX–X vv.)* [The Samanid State. (Maverannahr and Khorasan in the 9th–10th centuries)]. Dushanbe, Donish, 1977. 279 p.

25. Rumi. *Poema o skrytom smysle. Izbrannye pritchi* [The Poem about the Hidden Meaning. Selected Parables]. Perevod s persidskogo yazyka Nauma Grebneva. Moscow, Nauka Publ., 1986. 270 p.

26. *Srednevekoye latinskie novelly XIII v.* [The Medieval Latin Novels of the 13th century]. Izdanie podgotovila S.V. Polyakova. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1980. 390 p.

27. Stepanenko V.P. *Vizantiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na Blizhnem Vostoke (1071–1176)* [Byzantium in International Relations in the Middle East (1071–1176)]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1988. 240 p.

28. Khandamir. *Khabib as-siyar fi akhbar-i afrad-i bashar. Dzhild-i duvvum*. Tikhnan, Kitabfurushi-yi Khayam, 1362/1982–83. 824 p. (na persidskom yazyke).

28a. Adrados F.R. *Greek Wisdom Literature and the Middle Ages: The Lost Greek Models and Their Arabic and Castilian Translations*. Bern-Berlin-Bruxelles-Frankfurt am Main-New York-Oxford-Wien, Peter Lang, 2009. XIII+392 p.

29. al-'Awfi al-Bukhari, Sadidu'd-Din Muhammad. Vol. II (Part I, Chapters V–X) [*Anecdotes 196–564*] of the *Jawami'ul-Hikayat wa lawami'ur-Riwayat...* Hyderabad, Dairat'ul-Ma'arif-il-Osmania Press, 1967. 480 p.

30. Blois F. de. *Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey*. Volume V. *Poetry of the Pre-Mongol Period*. Second, revised edition. London and New York, Routledge Curzon, 2004. 529 p.

31. Bosworth C.E. Ismail b. Ahmad. In: *The Encyclopaedia of Islam*. 2nd edition. Vol. IV. IRAN–KHA. Third Impression. Leiden: E.J. Brill, 1997, pp. 188–189.
32. Bosworth C.E. The Political and Dynastic History of the Iranian World (A.D. 1000–1217). *The Cambridge History of Iran*, Volume 5: *The Saljuq and Mongol Periods*. Edited by J.A. Boyle. Great Britain, Cambridge University Press, 1968, pp. 1–202.
33. Bosworth C.E. Rafi' b. Harthama. In: *The Encyclopaedia of Islam*. 2nd edition. Vol. VIII. Leiden: E.J. Brill, 1995, pp. 385.
34. Bosworth C.E. Simdjurids. In: *The Encyclopaedia of Islam*. 2d edition. Vol. IX. Leiden: E.J. Brill, 1997, pp. 612.
35. Bosworth C.E. al-Utbi. In: *The Encyclopaedia of Islam*. New edition. Vol. X. T – U. Leiden: E.J. Brill, 2000, pp. 945.
36. Cahen C. *Pre-Ottoman Turkey. A general survey of the material and spiritual culture and history ca 1070–1330*. Translated from the French by J. Jones-Williams. New York, Taplinger Publishing Company, 1968. 458 p.
37. Credner W. *Commentatio Exhibens Historiam Samanidarum In Certamine Literario Civium Academiae Georgiae Augustae Die IV Junii 1825 Ab Ordine Philosophorum Praemio Regio Ornata...* Gottingae: [s.n.], 1825. 92 p.
38. Frye R.N. The Sāmānids. In: *The Cambridge History of Iran*, Volume Four: *From the Arab Invasion to the Saljuqs*. Cambridge University Press, 1975, pp. 136–161.
39. Hillenbrand C. *Turkish Myth and Muslim Symbol. The Battle of Manzikert*. Edinburg University Press, 2007. XII, 288 pp.
40. Nizamu'd-Din, Muhammad. *Introduction to the Jawami'u'l-Hikayat wa Lawami'u'r-Riwayat of Sadidu'd-Din Muhammad al-'Awfi*. London: Luzac & Co., 1929 (“E.J.W. Gibb Memorial”). New Series. Vol. VIII). 316 pp. Available at: <http://persian.packhum.org/persian/main>

About the author: Timur Kasymovich Beisembiev – Leading Research Associate, Department of Near and Middle East, R.B.Suleymenov Institute of Oriental Studies, Committee for Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow (050010, Kurmangazy st., 29, Almaty, Kazakhstan); shighistanu@mail.ru